

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-7>

УДК 339.5

JEL F14

Л. В. Шкваря ^{a)}, М. Хэ ^{б)}, С. С. Красных ^{в)}^{a)} Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация^{б)} Куньминский политехнический университет, г. Куньмин, КНР^{в)} Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Перспективы китайско-африканских торговых отношений в контексте трансформации глобальной системы торговли¹

Аннотация. Поскольку торгово-экономические отношения Китая и государств Африки в последние десятилетия приобрели системообразующий характер для обеих сторон и для мирового хозяйства и переживают процесс качественной трансформации, цель исследования заключается в выявлении особенностей и тенденций внешнеторговых отношений между КНР и странами Африканского континента и прогнозировании перспективной направленности и характера этих отношений. Гипотеза исследования заключается в том, что трансформация мировой торговли непосредственно преобразует объемы и структуру китайско-африканской торговли. В статье применяются компаративный, статистический анализ и модели ARMA и ARIMA для оценки перспектив китайско-африканской торговли. Использовались аналитические материалы и базы статистических данных международных организаций, экспертных центров и собственных исследований. Авторами проанализирована динамика и структура китайско-африканской торговли товарами в 2000–2023 гг. Установлено, что трансформация мировой торговли изменяет объемы, динамику, структуру китайско-африканской торговли при сохранении ее дисбалансов (географического, товарного, структурного, финансового). Разработаны прогнозные сценарии (инерционный, оптимистичный и пессимистичный) развития внешней торговли Китая и стран Африки на период до 2030 г., подтверждающие существенный торговый дисбаланс. Для уменьшения торгового дисбаланса нами разработаны рекомендации, а именно: увеличение импорта африканских товаров, особенно несырьевой продукции, внедрение мер по упрощению логистики, снижению торговых барьеров и увеличению инвестиций в перерабатывающие отрасли Африки. Сделан вывод, что в сложившихся условиях роста глобальной нестабильности и усилившейся конкуренции за африканские ресурсы Китаю важно содействовать социально-экономическому прогрессу Африки для роста экспорта на «золотой» континент. Исследование представляет научный и практический интерес как для КНР и стран Африки, являющихся важнейшими участниками трансформации мировой торговой системы, так и для РФ, и позволяет установить основные закономерности внешне-торгового сотрудничества со странами Африки, его механизмы и ограничения.

Ключевые слова: Китай, Африка, международная торговля (МТ), глобальная нестабильность, трансформация международной торговли, китайско-африканское торговое сотрудничество, внешнеторговая политика, прогнозирование

Для цитирования: Шкваря, Л. В., Хэ, М., Красных, С. С. (2025). Перспективы китайско-африканских торговых отношений в контексте трансформации глобальной системы торговли. *Экономика региона*, 21(3), 672–685. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-7>

¹ © Шкваря Л. В., Хэ М., Красных С. С. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Ludmila V. Shkvarya ^{a)}, Mingjun He ^{b)}, Sergey S. Krasnykh ^{c)}

^{a)} Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^{b)} Kunming Polytechnic University, Kunming, People's Republic of China

^{c)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Sino-African Trade Relations: A Factor Analysis in the Context of the Transformation of the Global Trading System

Abstract. Since trade between China and African countries has become crucial for both sides and the global economy and is now experiencing significant changes, this study seeks to identify the main characteristics and trends of Sino-African trade and to predict how these relations will develop in the future. The hypothesis is that the ongoing transformation of the global trading system directly affects the volume and structure of Sino-African trade. The analysis employs comparative and statistical methods, including ARMA and ARIMA models, to assess future prospects. The study draws on international statistical databases and analytical materials from expert organizations. The authors examine the dynamics and structure of Sino-African trade between 2000 and 2023 and find that the transformation of the global trading system is influencing the scale, dynamics, and structure of Sino-African trade, while persistent geographical, commodity-related, structural, and financial imbalances remain. The findings suggest that, amid increasing global instability and rising competition for African resources, it is crucial for China to support Africa's socio-economic development as a means of expanding exports to the "golden" continent. The study holds both academic and practical relevance for China, African countries, and Russia, offering insights into the mechanisms, patterns, and constraints of foreign trade cooperation with Africa in the evolving global trade landscape.

Keywords: China, Africa, international trade, global instability, transformation of international trade, Sino-African trade cooperation, foreign trade policy, forecasting

For citation: Shkvarya, L.V., He, M., & Krasnykh, S. S. (2025). Sino-African Trade Relations: A Factor Analysis in the Context of the Transformation of the Global Trading System. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 21(3), 672-685. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-7>

Введение

Приоритетная роль международной торговли для устойчивого социально-экономического прогресса неоспорима. Однако ее развитие идет нелинейно и сопровождается разработкой соответствующих концептуальных основ международной торговли. Глобальная торговая система подвержена различным трансформациям, включая появление новых технических возможностей (цифровизация торговли), изменение позиций и роли отдельных стран и регионов, переформатирование взаимодействия участников международной торговли и влияние этого процесса на систему в целом и ее отдельные элементы и характеристики и т. д. (Варнавский, 2024).

Несмотря на обширные и достаточно глубокие исследования китайско-африканской торговли, сохраняется ряд пробелов в этой области, т. к. она находится в процессе трансформации, как и система мировой торговли в целом: возникают новые факторы, характеристики, направления торговли, механизмы и ограничения ее развития, которые требуют изучения.

Статья направлена на исследование современных особенностей китайско-африканской торговли товарами под влиянием трансформационных факторов и ее перспективное развитие на основе совокупности динамических показателей товарной торговли и их анализа. Исследование современных особенностей и перспектив развития торговли КНР и Африки представляется полезным для учета влияния трансформации мировой торговой системы на перспективы внешней торговли России.

Теоретические аспекты глобальной трансформации международной торговли

В XXI в. в мировой торговле происходят фундаментальные изменения, противоречащие общепринятым теоретическим подходам. Появились и усиливаются новые факторы, оказывающие растущее и одновременно противоречивое воздействие на международную торговлю при сохранении ее влияния на национальные и глобальные социально-экономические процессы. Ряд этих факторов отмечены в научной литературе.

Так, цифровизация, одним из суперузлов которой сегодня выступает КНР (Лаврикова и др., 2018), изменила мировую торговлю, сделала ее более прозрачной, но сформировала ряд новых угроз «цифровых разрывов» (Шкваря, Фролова, 2022).

Нарастает глобальная нестабильность, имеет место рост конфликтности, в том числе и на мировых рынках, усиление санкционного давления на все большее количество стран мира, особенно Россию, Иран, а теперь и Китай. Растущие риски затрудняют принятие долгосрочных решений субъектами мировой торговли (Смирнов, 2023; Поплавский, 2024).

Формируется тенденция к мегарегионализму (Андреева, Ильясов, 2021), зачастую включающая в себя и такие инициативы, как «Один пояс, один путь» (ОПОП), Индо-Тихоокеанская экономическая структура, инициированная в 2022 г. в интересах США и для сдерживания Китая (Хэ, 2024), и др.

Некоторые авторы утверждают, что современные кардинальные перемены в международной торговле — это естественный (объективный) процесс в рамках ее эволюции (Métivier et al., 2023).

Другими исследователями ситуация характеризуется как кризисная, как результат коллапса либеральной экономической теории (Erpinger et al., 2021; Chen, 2024)¹. Однако в любом случае важно понимать природу происходящих перемен для определения дальнейших перспектив.

Китай — флагман мировой торговли с растущей экономической мощью (Родионова, Шкваря, 2012), со все более активным применением «мягкой силы» как средства доступа на зарубежные, в том числе африканский, рынки (Савинский, 2024), активизирующий свое сотрудничество с государствами развивающегося мира (Al-Sudairi, 2012).

Эксперты (Mrdaković & Todorović, 2023; Regissahui, 2019; Lewis et al., 2022 и др.) анализируют специфику китайско-африканской торговли в попытках выявить их основы и паттерны, драйверы, динамику, сферы и механизмы коммуникации и координации, пытаются оценить ее результаты. Отмечается, что результат этого сотрудничества оказался достаточно эффективным в различных направлениях (Ding et al., 2020).

¹ Ouwehand, J., & Layton, M. (2021). Four Ways to Improve Trade Rules and Support Climate Action. World Economic Forum (WEF). <https://www.weforum.org/stories/2021/03/4-ways-improve-trade-rules-support-climate-action> (дата обращения: 15.12.2024).

Некоторые авторы указывают на наличие в китайско-африканских торговых отношениях определенных лагун, вызывающих обеспокоенность африканского общества и требующих поиска новых подходов и механизмов в реализации экономической политики КНР в Африке (Ahmad et al., 2019).

Общемировые факторы трансформации и их влияние на международную торговлю систематизированы нами в таблице 1.

Зачастую одни факторы вызывают к жизни другие, развиваются скачкообразно, а их воздействие на международную торговлю устойчиво усиливается, в том числе создавая синергический эффект. Но их воздействие неоднородно сказывается как на глобальной торговой системе, так и на торгово-экономических отношениях ее отдельных акторов, в том числе — КНР и Африки.

Данные и методы

Проведенное исследование опирается на статистическую базу ЮНКТАД, предоставляющую сопоставимые данные. Мы используем данные о международной торговле товарами КНР и совокупной экономике стран Африканского континента в текущих ценах, т. к. поступающие из национальных таможенных органов данные предоставляются именно в таковых, а их пересчет приводит к искажению данных.

В статье использована статистика за 2000–2023 гг., т. к. именно в этот период в связи с созданием Форума китайско-африканского сотрудничества активизировалась и приобрела более стабильные формы, характеристики и механизмы китайско-африканская торговля, как под влиянием общемировых факторов, так и специфических, объективных (связанных с особенностями социально-экономического развития Африки и КНР) и субъективных (в результате проводимой сторонами внешнеторговой политики).

На начальном этапе нами были осуществлен сбор и систематизация статистических данных относительно торговли товарами КНР и Африки, на втором этапе для анализа китайско-африканской торговли нами применялись классические методики (Диабатэ и др., 2020), исследования динамики торговли, на завершающем этапе устанавливались закономерности, характеристики, перспективы, прогнозы. Для разработки прогнозных сценариев развития внешне-торговой деятельности Китая и Африки использовались модели ARMA (autoregressive moving average) и ARIMA (autoregressive integrated moving average). Данные модели позволяют учи-

Таблица 1
Факторы трансформации и новые характеристики глобальной торговой системы в XXI в. (общемировые)
Table 1
Factors of Transformation and New Characteristics of the Global Trade System in the 21st Century (Worldwide)
(Source: compiled by the authors)

Факторы	Преимущественное влияние фактора на международную торговлю	Источники
Геополитическая и геоэкономическая неустойчивость и рост глобальных рисков	Рост волатильности международной торговли МТ, ее стоимостных объемов, неопределенность обязательств, нестабильность цепочек поставок	Поплавский, 2024; Смирнов, 2023
Четвертая промышленная революция и цифровая экспансия	Интеллектуализация (рост доли нематериальных активов), цифровизация и смартизация международной торговли и мировой экономики, включая рост значимости развития человеческого капитала	Rahmonov, 2023; Herman & Oliver, 2023
Экологизация, социализация и инклюзивность	Трансформация спроса (включая «сдержанное потребление») и предложения; новые товары и услуги, современные возможности финансового сопровождения МТ	Диабатэ и др., 2020; Goff, 2021
Рост мегарегионализма	Изменение конфигурации МТ и активизация межрегиональных инициатив (БРИКС, ОПОП), формирование стратегических партнерств, переориентация на внутриконтинентальные рынки и новых партнеров, изменение логистических маршрутов	Тарасов, Ишуков, 2023
Ускоренная трансформация инструментов регулирования международной торговли	Отход от принципов либерализации и рост протекционизма, выборочное применение рестрикций и санкций, государственная поддержка экспорта, реформирование национальных систем ВЭД; появление новых возможностей регулирования МТ в связи с использованием ИИ	Burri & Cottier, 2012; Савинов, Тарановская, 2020
Изменение формата МТ (и ее изучения)	Сетевое, виртуальное продвижение, «параллельный импорт», активизация применения национальных валют в МТ	Дынкин, 2024; Lewis et al., 2022
Обновление принципов международной торговли	Обеспечение национальной, экологической, энергетической и др. безопасности, переформатирование подходов к МРТ, взаимная выгода, открытость и прагматизм; френдшоринг	Мальцев, Чичилимов, 2023; Хэ, 2024

Источник: составлено авторами.

тивать тренды, сезонные колебания и случайные компоненты временных рядов, что делает их эффективными для анализа международной торговли. Для построения моделей использовались данные ЮНКТАД о ежегодных объемах экспорта и импорта Китая в страны Африки за наиболее обширный временной интервал 1995–2023 гг. Выбор между ARMA и ARIMA моделями осуществлялся на основе анализа временного ряда. Если ряд является стационарным, использовалась модель ARMA (p, q), где p — порядок авторегрессии, q — порядок скользящего среднего. Если ряд имеет тренд или сезонность, применялась модель ARIMA (p, d, q), где d — число дифференцирований, необходимых для стационарности. Для проверки стационарности временных рядов экспорта и импорта использовался расширенный тест Дики-Фуллера (ADF-test) на наличие единичного корня. Затем подбирался оптимальный порядок p и q с помощью критериев информационных потерь (Akaike

Information Criterion — AIC, Bayesian Information Criterion — BIC, Hannan-Quinn Criterion — HQC) для выбора модели с наилучшей прогностической способностью. После выбора модели проводилась ее валидация на основе оценки значимости коэффициентов модели (p-значение, коэффициент детерминации), а затем строились прогнозные сценарии (инерционный, оптимистичный и пессимистичный) на период до 2030 г. Основными ограничениями данного методического подхода являются возможные структурные разрывы в данных (например, кризисы, политические события), не учитываются факторы неценовой конкуренции и торговых ограничений, модель основана только на исторических данных, без включения экзогенных факторов. В статье содержится 3 блока ограничений: по срокам, по объектам (торговля товарами) и по региону (рассматривается совокупная африканская экономика).

Методическую основу анализа составила оценка динамики, структуры и тенденций развития торговли между КНР и Африкой на основе расчета:

— динамики экспорта и импорта торговли товарами;

— доли экспорта КНР на африканский рынок и доля импорта КНР из Африки в общем объеме китайского экспорта и импорта для оценки значимости данного торгового партнерства;

— доли африканского экспорта на китайский рынок и доля импорта Африки из КНР в общем объеме африканского экспорта и импорта для оценки значимости данного торгового партнерства;

— сальдо китайско-африканского товарооборота и их изменения под влиянием внешних и внутренних факторов.

Результаты исследования и их обсуждение

Торговля Китая и Африки: современные тренды

Доля Африки в совокупном мировом экспорте составляет 2,5 %, а в совокупном мировом импорте — 2,9 %, КНР — соответственно 14,2 % и 10,5 % на 2023 г. (табл. 2). При этом в стоимостном выражении совокупный экспорт и импорт Африки выросли за исследуемый период соответственно в 4,1 и 5,4 раза, КНР — в 13,6 и 11,4 раза. В целом темп роста экспорта в 2000–2023 гг. ежегодно составлял в мире 10,61 %, в Африке — 14,92 %, в Китае — 9,3 %; импорт увеличивался ежегодно в мире на 11 %, в Африке — на 13,24 %, в Китае — на 6,71 %. Статистические данные подтверждают, что Африка сохраняла опережающий темп роста в исследуемом периоде, и с учетом ее высокого уровня запасов разнообразных природных ресурсов и столь же значительного демографического потенциала в статическом и особенно динамическом аспектах (по прогнозам ЮНКТАД, к 2050 г. на континенте будет проживать свыше 2,5 млрд человек), привлекает внимание практически всех стран мира как экономический партнер, имеющий в перспективе огромные возможности (Grinin & Korotayev, 2023), что вызывает интерес различных стран и стимулирует их стремление к росту торговли с Африкой. Китай привлекает в Африке «...ее огромный потенциал как источника минерального сырья и энергоносителей и как рынка сбыта разнообразной <...> продукции» (Котов, 2024, с. 73).

Однако, пройдя период колонизации и постколониальную эксплуатацию (истори-

ческий фактор), африканские страны очень избирательно и внимательно относятся к зарубежным партнерам и нацелены обеспечить равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в торговле чтобы обеспечить устойчивый и всесторонний социально-экономический прогресс.

Китайско-африканская торговля имеет древние исторические корни, эти отношения активизировались во время руководства в Китае Мао Цзедунa (хотя тогда они были минимальны), Дэн Сяопина (когда торгово-экономическое присутствие Китая в Африке стало устойчиво возрастать в условиях взаимного политического доверия) и Цзян Цзэминя (в рамках созданного в 2000 г. Форума китайско-африканского сотрудничества и создания механизма диалога и сотрудничества между КНР и Африкой), вплоть до Си Цзиньпина. В последние 20 лет произошло преобразование стратегического партнерства нового типа между КНР и Африкой во всеобъемлющее стратегическое партнерство.

Экспорт сырьевых товаров из КНР, преобладавший в 1990-е гг., был заменен индустриальной продукцией, особенно оборудованием, автомобилями и другими промышленными товарами широкого ассортимента, в том числе высокотехнологичными.

В перспективе Африка может стать и значимым рынком сбыта для китайских товаров в связи с растущими трудностями в США и Европе (García-Herrero et al., 2017). Так, экономическое положение Африки имело тенденцию к улучшению, сохранялся тренд на снижение континентальных дисбалансов и противоречий. Согласно отчету Африканского банка развития, средний реальный темп роста ВВП Африки составил 3,2 % в 2024 г. по сравнению с 3,0 % в 2023 г. и перспективой увеличения до 4,1 % в 2025 г. (среднемировой показатель — 3,2)¹. Темпы развития крупнейших экономик континента, Нигерии и ЮАР, улучшаются, что будет иметь положительный эффект не только для них, но и для континента в целом. С декабря 2024 г. Сан-Томе и Принсипи по решению ООН не входят в группу наименее развитых стран, что стало значимым шагом вперед в сфере сокращения нищеты на континенте².

¹ African Development Bank (2024). Macroeconomic indicators and prospects for Africa, November, 2024. <https://www.afdb.org/en/knowledge/publications/african-economic-outlook> (дата обращения: 15.12.2024).

² United Nations (2024, December 13). *Sao Tome and Principe graduated from LDC status*. <https://www.un.org/development/desa/dpad/2024/sao-tome-and-principe-graduated-from-ldc-status> (дата обращения: 15.12.2024).

В 2024 г. население Африки превысит 1,4 млрд чел., а средний возраст населения составляет 19,7 лет. По мере повышения общего уровня развития и дальнейшего увеличения численности и качества ее населения Африка станет рынком труда и потребительским рынком с большим потенциалом.

Для Африки, чей совокупный ВВП в 6,4 раза ниже китайского в 2023 г., торговля с КНР, помимо исходной «дружественности» в рамках отношений «Юг-Юг», строится на потребности получать готовую промышленную (в том числе высокотехнологичную) продукцию без вмешательства во внутренние дела и с учетом реальных потребностей конкретных стран (Banik & Bull, 2018).

Эксперты отмечают, что КНР диверсифицировала свои инструменты в отношении с Африкой, особенно после распада СССР и перехода к однополярному миру (Ahmad et al., 2019); существенно продвинула и углубила свое экономическое взаимодействие с Африкой, в значительной степени полагаясь на «мягкую силу» (Савинский, 2024).

Китай заинтересован в активизации и повышении устойчивости социально-экономического развития Африки, на рынках которой он имеет высокий вес как партнер, и стремится к дальнейшему развитию и укреплению торговых связей, происходит постоянное увеличение объемов торговли.

Как видно из таблицы 2 и рисунка 1, китайский экспорт в Африку с 2000 по 2023 г. вырос в 34,4 раза, а импорт — в 19,7 раза.

Исходя из проведенного анализа, установлено, что в целом китайско-африканская торговля характеризуется рядом основных особенностей.

Во-первых, экспорт КНР в Африку превышает его импорт, что приводит к постоянному дефициту торгового баланса и росту асимметрии торговли, значительно оживившейся с 2013 г. под влиянием инициативы ОПОП. Объемы китайско-африканской торговли увеличились, а дефицит торгового баланса для Африки продолжал расти. Первый крупный дефицит торгового баланса возник в 2009 г., до этого торговый баланс складывался в пользу Африки (табл. 2). Кроме того, из-за снижения цен на сырьевые товары на международном рынке, которое повлияло на экспорт африканских товаров в КНР, Африка испытывала дефицит в 2013–2016 гг. В 2017–2019 гг. имело место частичное восстановление баланса на фоне роста африканского экспорта в Китай. В 2020 г. африканский экспорт в КНР резко сократился

(при незначительном уменьшении импорта из КНР) под влиянием глобальной пандемии. В 2021–2023 гг. продолжился стремительный рост китайского экспорта при падении объемов импорта в 2023 г. В результате зафиксирован исторически максимальный уровень дефицита торговли для Африки, превысивший 66 млрд долл. (табл. 2).

Стоит отметить высокую степень дифференциации торговли Китая с разными странами Африки. Так, ЮАР как участник БРИКС занимает 1-е место среди африканских торговых партнеров КНР, 2-е и 3-е места (со значительным отрывом) сохраняют Республика Ангола и Республика Конго.

Во-вторых, в африканском экспорте в КНР преобладает сырьевая продукция (свыше 95 % совокупного экспорта). Остальное — преимущественно сельскохозяйственная продукция, хотя по странам ситуация весьма дифференцирована.

С другой стороны, КНР ввозит в Африку в основном продукцию обрабатывающей промышленности, на долю которой приходится около 94 % (что соответствует и общемировому уровню), за которой следуют сельское хозяйство (3 %) и горнодобывающая промышленность (2,5 %). Это различие показывает, что Африка в основном экспортирует сырье в КНР, а импорт составляют по большей части промышленные товары. В последние годы африканская тенденция обмена первичных продуктов на промышленные сохранилась.

В-третьих, экспорт Африки в КНР сохраняет низкую степень диверсификации. Например, три основные позиции экспорта ЮАР — это минеральное сырье, продукция химической промышленности и сельскохозяйственные продукты. Данные позиции подчеркивают, что торговля с Африкой поддерживает требующие сырья отрасли КНР.

Получила развитие институциональная структура взаимодействия. Китай организовал Китайско-Африканскую выставку экономики и торговли, сформировал свои миссии по продвижению торговли в Африке, провел Фестиваль онлайн-покупок африканских товаров «Good Things» с помощью платформ электронной коммерции для активного продвижения высококачественных характерных продуктов Африки, и каналы торговли продолжают расширяться.

В-четвертых, доля Африки в совокупном экспорте КНР составила 5 % в 2023 г., этот показатель вырос более чем в два раза за исследуемый период, но китайская внешнеторго-

Таблица 2

Table 2

Экспорт и импорт КНР и Африки в 2000–2023 гг.

Exports and Imports of China and Africa in 2000–2023 (Source: compiled and calculated by the authors using data from: UNCTADstat Merchandise Trade Matrix, annual. UNCTAD)

	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт Китая, всего, млн долларов	249 203	761 953	1 577 754	2 273 468	2 097 632	2 263 346	2 486 695	2 499 457	2 589 952	3 316 022	3 544 435	3 379 255
Импорт Китая, всего, млн долларов	225 024	243 553	1 396 247	1 679 566	1 587 925	1 843 792	2 135 748	2 078 386	2 065 964	2 679 412	2 706 507	2 556 565
Доля Китая в совокупном мировом экспорте, %	3,864	7,248	10,315	13,724	13,069	12,760	12,721	13,149	14,674	14,870	14,239	14,191
Доля Китая в совокупном мировом импорте, %	3,382	6,112	9,047	10,042	9,801	10,262	10,782	10,757	11,560	11,867	10,549	10,541
Экспорт КНР в Африку, тыс. долл.	5 007 275	18 604 431	59 816 354	108 316 510	91 991 203	94 507 892	104 682 995	112 995 136	113 975 412	145 182 114	164 176 789	172 466 227
Промышленные товары, %	88,39	93,14	94,69	95,41	94,8	94,16	93,72	93,73	94,1	93,97	93,18	94,12
В том числе (%):												
Машины и транспортные средства	26,29	34,94	42,16	33,52	34,67	34,11	34,41	34,72	33,79	34,01	34,07	38,39
Текстильная и швейная продукция	28,32	26,09	18,28	18,81	18,9	18,95	17,7	17,85	17,41	16,377	14,67	14,03
Доля экспорта КНР в Африку в общем объеме китайского экспорта, %	2,01	2,44	3,79	4,76	4,39	4,18	4,21	4,52	4,4	4,38	4,57	5,1
Импорт КНР из Африки, тыс. долл.	5 554 763	21 061 726	67 066 279	70 257 955	56 689 864	75 926 349	99 280 879	95 801 457	73 721 668	105 841 448	117 509 222	109 256 290
Основные сырьевые товары, %	89,45	92,39	91,05	95,43	94,95	95,62	96,52	96,29	95,55	96,34	96,72	95,76
В том числе топливо, %	66,06	69,43	61,91	39,18	39,14	45,87	49,96	50,88	39,35	38,67	35,34	32,73
Руды и металлы, %	9,71	12,58	23,55	21,6	25,26	27,55	26,76	27,48	41,76	41,68	44,65	45,08
Доля африканского импорта в общем объеме китайского импорта, %	2,47	3,19	4,8	4,18	3,57	4,12	4,65	4,61	3,56	3,95	4,33	4,27
Совокупный экспорт Африки	145 190	301 599	518 973	415 288	380 712	437 025	513 597	481 514	396 412	562 018	661 886	596 691
Совокупный импорт Африки	128 137	254 783	490 363	567 007	507 102	524 210	590 512	588 794	490 135	614 558	738 660	697 652
Доля Африки в совокупном мировом экспорте, %	2,251	2,869	3,393	2,507	2,372	2,464	2,627	2,533	2,246	2,520	2,659	2,506
Доля Африки в совокупном мировом импорте, %	1,929	2,360	3,177	3,390	3,130	2,918	2,981	3,047	2,743	2,722	2,879	2,876
Сальдо, млн долларов	-547 488	-2 457 295	-7 249 925	38 058 555	35 301 339	18 581 543	5 402 116	17 193 679	40 253 744	39 340 666	46 667 567	63 209 937

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным UNCTAD stat Merchandise trade matrix, annual. UNCTAD. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix> (дата обращения: 15.12.2024).

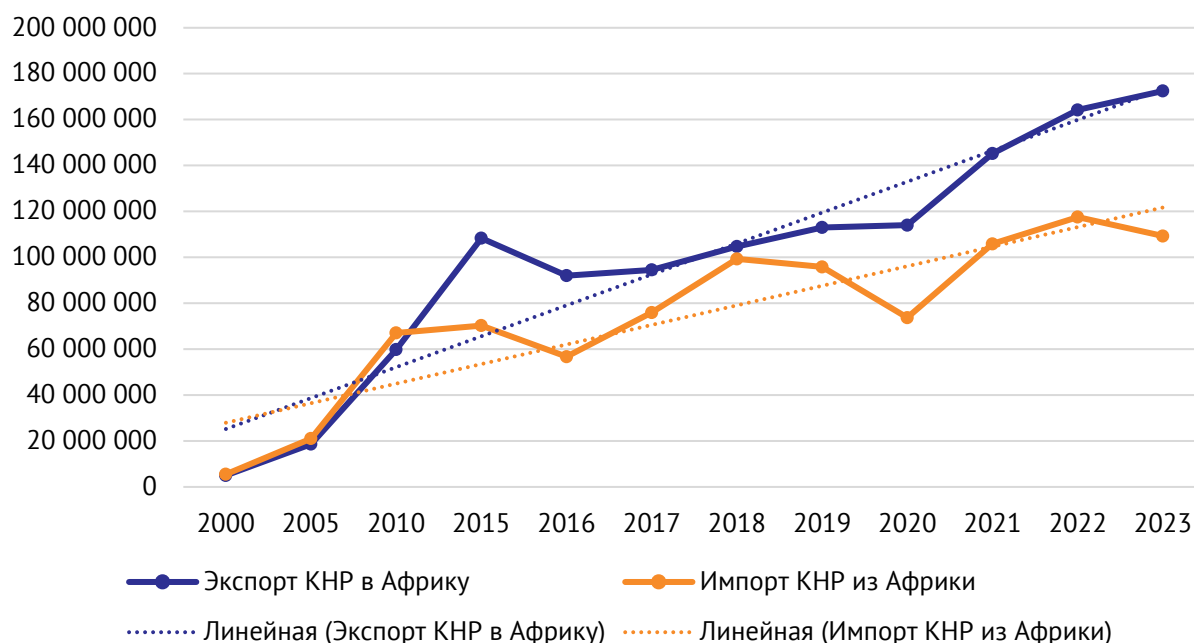

Рис. 1. Динамика экспорта КНР в Африку и импорта из Африки в 2000–2023 гг., тыс. долларов в текущих ценах по текущему курсу и линии тренда (источник: составлено авторами по данным таблицы 2)

Fig. 1. Dynamics of China's Exports to Africa and Imports from Africa in 2000–2023, thousand USD at current prices and exchange rates, with trend lines (Source: compiled by the authors using data from Table 2)

вая политика ориентирована на Европу, США и Японию, где создается около 75 % положительного сальдо внешней торговли КНР. В условиях, когда заказы из Европы, США и Японии резко упали, актуализируются торгово-экономические отношения с другими регионами мира, в частности, Китаю важно содействовать социально-экономическому прогрессу Африки для развития спроса этого континента, обладающего молодым и растущим населением. С другой стороны, доля Китая в совокупном экспорте Африки в 2023 г. составила 13,16 % (в 2000 г. эта доля составила 4,68 %, при этом максимум зафиксирован в 2019 г. — 14,63 %). Для справки можно отметить, что доля США в экспорте стран Африки составляла в 2000 и 2023 гг. соответственно 15,59 % и 4,7 %; ЕС — 39,7 % и 29,3 %; а РФ — 0,19 % и 0,24 %. В целом доля стран ОЭСР в совокупном экспорте Африки составляла в те же годы соответственно 70,88 % и 45,68 %, при этом имеет место рост значения стран Юго-Восточной Азии с 11,95 % в африканском экспорте в 2000 г. до 21,2 % в 2023 г.

В совокупном африканском импорте ситуация почти аналогичная: доля КНР выросла с 37 % в 2000 г. до 19,3 % в 2023 г. Таким образом, имеет место достаточно резкий рост значимости КНР и Африки как внешнеторговых партнеров.

На торговую динамику влияют отмеченные нами выше общемировые факторы (табл. 1).

Так, высокая волатильность африканской торговли (как с миром, так и с Китаем) — результат роста глобальной нестабильности, а мега-регионализм проявляется как в формировании Африканского союза в 2002 г., так и в деятельности с 2021 г. Африканской континентальной зоны свободной торговли, куда входят 54 государства.

В Африке политические потрясения негативно влияют на внешнюю торговлю, например, COVID-2019 и высокая волатильность мировых цен серьезно разбалансировали торговые потоки и денежные поступления.

Но, наряду с общемировыми, на внешнеторговые процессы в Африке оказывают серьезное влияние и континентальные факторы: низкий уровень развития производительных сил, инфраструктуры, экстремальные климатические условия, высокий уровень инфляции и внешнего долга, сохранение разных ограничений в континентальной торговле и многочисленные торговые споры между странами. Также можно указать на влияние политического фактора в подходе стран Африки к международному сотрудничеству, в том числе с Китаем (табл. 3).

По нашим оценкам, как общемировые, так и континентальные факторы сохраняют влияние на китайско-африканскую торговлю.

В целях оценки перспективных изменений в объемах экспорта и импорта между КНР и странами Африки проведено прогно-

Таблица 3

Требования к китайской торговой политике со стороны стран Африки

Table 3

Demands of African Countries toward China's Trade Policy (Source: compiled by the authors)

Подход	Направление
Взаимовыгодность	Содействовать расширению ассортимента благ, доступных для потребления в Африке, на основе диверсификации африканской экономики для обретения возможности более эффективно участвовать в МРТ и сокращать альтернативные издержки
Инновационность	Предоставлять доступ к инновационным и цифровым социальным, экономическим, технологическим, отраслевым решениям; способствовать развитию сферы ИКТ в Африке*
Экологичность	Гарантировать экологическую безопасность в процессе деятельности в Африке и стимулировать улучшение экологической ситуации (Saka & Alabi, 2024)
Социальная направленность	Создавать рабочие места в различных сферах экономики, в том числе в высокотехнологичных, в условиях демографических особенностей континента**
Развитие человеческого капитала	Оказывать содействие улучшению состояния человеческого капитала, уровня образования, интеллектуального развития и науки в Африке
Стабильность	Обеспечивать экономическую стабильность и экономический рост на основе сбалансированного развития отраслей и территорий, в том числе ИКТ
Инклюзивность торговли	Поддерживать доступность товаров для всех покупателей, обеспечивать предпродажное и послепродажное обслуживание (Goff, 2021)

Примечания: *China-Africa Economic Bulletin, 2024 Edition. <https://www.bu.edu/gdp/2024/04/01/china-africa-economic-bulletin-2024-edition/> (дата обращения: 15.12.2024). ** UNCTAD. Technology and Innovation Report 2025. https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf (дата обращения: 10.04.2025).
Источник: разработано авторами.

Таблица 4

Результаты построения расширенного теста Дики-Фуллера с константой и трендом

Table 4

Results of the Augmented Dickey-Fuller Test with Constant and Trend (Source: compiled by the authors using the Gretl software package)

Переменная	p-значение	Стационарность
Импорт Китая в страны Африки	0,1857	Отсутствует
Экспорт Китая в страны Африки	0,7936	Отсутствует

Источник: составлено авторами в программном комплексе Gretl.

зирование на основе авторегрессионной интегрированной модели скользящего среднего. Данный метод широко используется для анализа временных рядов и позволяет учитывать как тренды, так и циклические колебания, характерные для мировой торговли.

Прогнозирование базируется на статистических данных за 1995–2023 гг., отражающих динамику китайского экспорта в Африку и импорта из Африки. Анализ стационарности переменных экспорта и импорта показал ее отсутствие, таким образом, наиболее подходящей моделью для моделирования является ARIMA (табл. 4).

С помощью оценки информационных критериев, а также на основе оценки общей значимости коэффициентов модели (p-значения, коэффициент детерминации) для прогнозирования импорта Китая в страны Африки были определены наилучшие показатели для по-

рядка авторегрессии (5), числа дифференцирований (2) и порядка скользящего среднего (9); а для прогнозирования экспорта Китая в Африку были определены следующие значения: порядок авторегрессии (3), число дифференцирований (1) и порядок скользящего среднего (7). Результаты прогнозирования представлены на рисунке 2.

Прогноз развития торговли между Китаем и Африкой указывает на устойчивый рост экспорта китайских товаров в африканские страны до 2030 г. Вне зависимости от сценария объемы поставок увеличатся, однако темпы роста различаются. Инерционный сценарий предполагает умеренное увеличение экспорта, который достигает 2258 млрд долл. к 2030 г. Пессимистичный сценарий учитывает возможные экономические кризисы и торговые ограничения, но даже в этом случае прогноз указывает на рост до 2258 млрд долл., что на 30 %

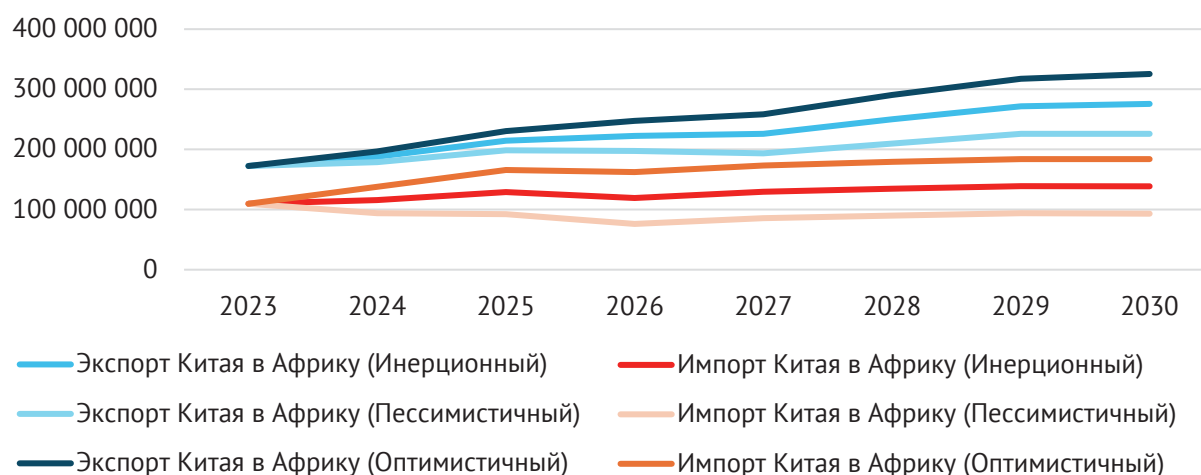

Рис. 2. Прогнозы экспорта и импорта КНР в Африку в 2024–2030 гг., тыс. долларов в текущих ценах по текущему курсу (источник: составлено авторами на основе результатов прогнозирования)

Fig. 2. Forecasts of China's Export to and Import from Africa in 2024–2030, Thousand US Dollars at Current Prices and Exchange Rates (Source: compiled by the authors based on forecasting results)

выше уровня 2023 г. Оптимистичный сценарий демонстрирует наиболее значительное увеличение объемов торговли: экспорт Китая в Африку может достигнуть 3254 млрд долл. к 2030 г., что почти в 1,9 раза превышает показатель 2023 г.

Импорт Китая из Африки также растет, но его темпы менее выражены, что свидетельствует о сохранении торгового дисбаланса. В инерционном сценарии объем импорта увеличивается с 1095 млрд долл. в 2023 г. до 1383 млрд долл. в 2030 г. Пессимистичный сценарий предполагает замедленный рост (930 млрд долл. в 2030 г.), что может быть вызвано изменением цен на сырье, снижением спроса со стороны Китая или ухудшением экономической ситуации в африканских странах. Оптимистичный прогноз отражает ускоренный рост импорта, который к 2030 г. может достичь 1837 млрд долл., что на 67 % выше уровня 2023 г.

Анализ прогнозных данных показывает, что во всех сценариях экспорт Китая в Африку остается значительно выше импорта, что подтверждает существующий торговый дисбаланс. В оптимистичном сценарии разрыв между экспортом и импортом несколько сокращается за счет увеличения закупок африканских товаров китайской стороной, тогда как в пессимистичном сценарии дисбаланс усиливается из-за более низких темпов роста импорта.

С точки зрения экономических последствий оптимистичный сценарий предполагает расширение сотрудничества между КНР и Африкой, что может привести к росту инвестиций, диверсификации импорта и увеличению доли африканской продукции в китайской торговле. Пессимистичный сценарий ука-

зывает на возможные риски для африканских экономик, связанные с сокращением китайского спроса на их товары. Инерционный сценарий отражает сохранение текущих тенденций торговли без значительных изменений в экономической политике.

Для уменьшения торгового дисбаланса Китаю необходимо активнее стимулировать импорт африканских товаров, особенно несырьевой продукции. Важную роль в этом могут сыграть меры по упрощению логистики, снижению торговых барьеров и увеличению инвестиций в перерабатывающие отрасли Африки. В случае реализации пессимистичного сценария Китаю, вероятно, придется адаптировать стратегию сотрудничества с африканскими странами, чтобы компенсировать потенциальные экономические риски. В целом прогнозы подтверждают продолжение роста китайско-африканской торговли, но ее структура останется асимметричной, если не будут предприняты меры по стимулированию импорта африканских товаров.

Также позитивный прогноз предполагает, что торговля активизируется в попытках как Китая, так и африканских государств обеспечить стабилизацию национальных хозяйств в условиях роста населения в Африке и его стабилизации в КНР, что важно для обеих сторон. Предоставление Китаем нулевого тарифа на 100 % товаров из НРС Африки может стать катализатором достижения к 2035 г. годового объема торговли между КНР и Африкой в 3300 млрд долл.¹

¹ China-Africa Economic Bulletin, 2024 Edition. <https://www.bu.edu/gdp/2024/04/01/china-africa-economic-bulletin-2024-edition/> (дата обращения: 15.12.2025).

Дополнительным стимулом реализации данного прогноза может стать активизация африканского сотрудничества с третьими странами, в том числе входящими в БРИКС, например, Российской Федерацией.

Негативный сценарий развития торговли КНР и Африки может предполагать, во-первых, все более заметное деструктивное воздействие глобальных и континентальных факторов, например, усиление нестабильности различного рода, включая и климатический аспект, сказывающийся отрицательно на сельскохозяйственной сфере Африки. Во-вторых, развитие дисбалансов во взаимной торговле может снизить заинтересованность в некоторых направлениях взаимодействия.

Заключение

Исследование показало, что современная практика выходит за пределы традиционных теорий мировой торговли вследствие действия современных факторов, имеющих различные векторы воздействия — как ускоряющие торговые процессы, так и затрудняющие их.

В контексте развития концепций международной торговли выявлены глобальные факторы и те, которые имеют более выраженное значение для африканского континента. К глобальным факторам мы относим геополитическую и геоэкономическую неустойчивость и рост глобальных рисков; IV промышленную революцию и цифровую экономическую экспансию; экологизацию, социализацию и инклюзивность торговли; мегарегионализм; уско-

ренную трансформацию инструментов регулирования международной торговли; изменение формата МТ (и ее изучения); а также обновление принципов международной торговли. Все эти факторы взаимодействуют между собой и создают «синергический» эффект, при этом достаточно неопределенный, что должно учитываться при разработке стратегий внешнеэкономического развития России и ее регионов.

К континентальным (африканским) факторам мы относим уровень (зачастую низкий, создающий те или иные проблемы) развития производительных сил и экономики в целом, различных сегментов инфраструктуры, возросшие экологические и климатические угрозы, финансовые трудности, сохранение разнообразных ограничений в континентальной торговле и наличие многочисленных торговых и других споров. Можно указать на наличие политического и исторического факторов в формировании партнерских отношений.

КНР вызывает доверие у Африки, и в их торговле сложилась тенденция к росту и развитию. Но существуют и «проблемные места» в отношениях, например, растущие дисбалансы. Однако нам представляется, что позитивный сценарий развития торговли между КНР и Африкой более вероятен (при прочих равных условиях). При этом участие России в каких-либо совместных проектах могло бы служить определенным балансирующим фактором, а также стимулом к отстаиванию общих интересов стран и соответствующих механизмов и инструментов их реализации на мировом уровне.

Список источников

- Андреева, Е. Л., Ильясов, П. В. (2021). Проблемы совершенствования нетарифного регулирования международной торговли в рамках ЕАЭС. *Российский внешнеэкономический вестник*, (2), 21–38. <http://doi.org/10.24412/2072-8042-2021-2-21-38>
- Варнавский, В. Г. (2024). Мировая торговля: долгосрочные тренды и структурные сдвиги. *Мировая экономика и международные отношения*, 68(1), 5–18. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-5-18>
- Диабатэ, В., Холина, В. Н., Фролова, Е. Д. (2020). Изменение структуры внешней торговли африканских стран в условиях регионализации мировой экономики. *Экономика региона*, 16(1), 242–256. <http://doi.org/10.17059/2020-1-18>
- Дынкин, А. А. (2024). Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии. *Политические исследования*, (5), 8–23. <http://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02>
- Котов, А. В. (2024). Африканский вектор внешнеэкономической политики Германии. *Мировая экономика и международные отношения*, 68(12), 72–79. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-72-79>
- Лаврикова, Ю. Г., Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В. (2018). Научно-технологическое развитие России и Китая: компаративный анализ и перспективы сотрудничества. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 11(4), 48–62. <http://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.3>
- Мальцев, А. А., Чичилимов, С. В. (2023). Особенности формирования системы неопротекционизма в условиях шестой инновационной волны. *Международная торговля и торговая политика*, 9(3), 19–35. <http://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-3-19-35>
- Поплавский, С. П. (2024). Глобальная нестабильность мировой экономики: сущность, причины, факторы, составляющие, перспективы. *Россия и Азия*, (1(27)), 81–92.
- Родионова, И. А., Шкваря, Л. В. (2012). На пороге «Азиатского индустриального века». *Азия и Африка сегодня*, (12), 2–5.

- Савинов, Ю. А., Тарановская, Е. В. (2020) Искусственный интеллект в международной торговле. *Российский внешнеэкономический вестник*, (4), 58–71.
- Савинский, А. В. (2024). Роль культурных аспектов в китайско-африканском экономическом сотрудничестве. *Россия и Азия*, (3(29)), 19–27.
- Смирнов, Е. Н. (2023). Эволюция триггеров хрупкости мировой экономики в условиях кризиса. *Россия и Азия*, (1(23)), 6–18.
- Тарасов, А. Г., Ишуков, А. А. (2023). Многополярность как основная характеристика постглобального мира: поиск экономических ориентиров новой модели. *Международная торговля и торговая политика*, 9(1(33)), 74–89. <http://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-1-74-89>
- Хэ, М. (2024). Концептуальные основы исследования международной торговли в XXI веке: ключевые характеристики и риски. *Россия и Азия*, (4(30)), 81–95.
- Шкваря, Л. В., Фролова, Е. Д. (2022). Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира. *Экономика региона*, 18(2), 479–493. <http://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13>
- Ahmad, S., Gull, A., & Irfan, S. (2019). Sino-African Relations: Economic Opportunities and Challenges for China. *Liberal Arts and Social Sciences International Journal (LASSIJ)*, 3(1), 61–73. <https://doi.org/10.47264/idea.lassij/3.1.6>
- Al-Sudairi, M. T. (2012). *Sino-Saudi Relations: An Economic History*. Gulf Research Center, 37.
- Banik, D., & Bull, B. (2018). Chinese engagement in Africa and Latin America: does it matter for state capacity? *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 3(4), 532–551. <http://doi.org/10.1080/23802014.2018.1531682>
- Burri, M., & Cottier, T. (Eds.) (2012). *Trade Governance in the Digital Age: World Trade Forum*. Cambridge University Press, Cambridge. 475.
- Chen, H. (2024). The impact of the US-China trade war on the global macroeconomy. *SHS Web of Conferences*, 188, 02013. <http://doi.org/10.1051/shsconf/202418802013>
- Ding, X., Chai, Q., & Chen, C. (2020). China-Africa Economic and Trade Cooperation from the Perspective of the Community with Shared Benefits: Achievements, Challenges, and Prospects. *World Review of Political Economy*, 11(2), 208–231. <http://doi.org/10.13169/worldrevpoliecon.11.2.0208>
- Eppinger, P., Felbermayr, G. J., Krebs, O., & Kukharsky, B. (2021). *Decoupling Global Value Chains*. CESifo Working Paper (9079). Munich: Munich Society for the Promotion of Economic Research — CESifo, 42.
- García-Herrero, A., Kwok, K. C., Xiangdong, L., Summers, T., & Yansheng, Zh. (2017). *EU-China Economic Relations to 2025. Building a Common Future*. A Joint Report by Bruegel, Chatham House, China Center for International Economic Exchanges and The Chinese University of Hong Kong. The Royal Institute of International Affairs, 67.
- Goff, P. (2021). Inclusive Trade: Justice, Innovation, or More of the Same? *Ethics & International Affairs*, 35(2), 273–301. <http://doi.org/10.1017/S0892679421000253>
- Grinin, L., & Korotayev, A. (2023). Africa: The Continent of the Future. Challenges and Opportunities. In Sadovnichy, V., Akaev, A., Ilyin, I., Malkov, S., Grinin, L., & Korotayev, A. (Eds.) *Reconsidering the Limits to Growth: A Report to the Russian Association of the Club of Rome*, (pp. 225–238). Springer. http://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_13
- Herman, P. R., & Oliver, S. (2023). Trade, policy, and economic development in the digital economy. *Journal of Development Economics*, 164, 103135. <http://doi.org/10.1016/j.jdevec.2023.103135>
- Lewis, L. T., Monarch, R., Sposi, M., & Zhang, J. (2022). Structural Change and Global Trade. *Journal of the European Economic Association*, 20(1), 476–512. <http://doi.org/10.1093/jeaa/jvab024>
- Métivier, J., Bacchetta, M., Bekkers, E., & Koopman, R. (2023). International trade cooperation's impact on the world economy. *Journal of Policy Modeling*, 45(4), 713–744. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2023.06.007>
- Mrdaković, S., & Todorović, M. (2023). China — Africa Trade and Investment Relations Under the Belt and Road Initiative. *Economic Themes*, 61(2), 171–196. <http://doi.org/10.2478/ethemes-2023-0009>
- Rahmonov, J. (2023). Digitalization in Global Trade: Opportunities and Challenges for Investment. *Global Trade and Customs Journal*, 18(10), 391–395. <http://doi.org/10.54648/GTCJ2023043>
- Regissahui, M. H. J. (2019). Overview on the China-Africa Trade. *Open Journal of Social Sciences*, 7, 381–403. <http://doi.org/10.4236/jss.2019.77032>
- Saka, K. O., & Alabi, M. K. (2024). Trade-off between economic growth and environmental sustainability in Africa. *ADSU International Journal of Applied Economics, Finance & Management*, 9(2), 251–267.

References

- Ahmad, S., Gull, A., & Irfan, S. (2019). Sino-African Relations: Economic Opportunities and Challenges for China. *Liberal Arts and Social Sciences International Journal (LASSIJ)*, 3(1), 61–73. <https://doi.org/10.47264/idea.lassij/3.1.6>
- Al-Sudairi, M. T. (2012). *Sino-Saudi Relations: An Economic History*. Gulf Research Center, 37.
- Andreeva, E. L., & Ilyasov, P. V. (2021). EAEU and International Trade: Issues of Non-Tariff Regulation Improvement. *Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, (2), 21–38. <http://doi.org/10.24412/2072-8042-2021-2-21-38> (In Russ.)
- Banik, D., & Bull, B. (2018). Chinese engagement in Africa and Latin America: does it matter for state capacity? *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 3(4), 532–551. <http://doi.org/10.1080/23802014.2018.1531682>
- Burri, M., & Cottier, T. (Eds.) (2012). *Trade Governance in the Digital Age: World Trade Forum*. Cambridge University Press, Cambridge. 475.

- Chen, H. (2024). The impact of the US-China trade war on the global macroeconomy. *SHS Web of Conferences*, 188, 02013. <http://doi.org/10.1051/shsconf/202418802013>
- Diabate, ., Kholina, V.N., & Frolova, E.D. (2020). The Change of Foreign Trade Structure of African Countries in the Context of Increasing Regionalization in the World Economy. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 16(1), 242–256. <http://doi.org/10.17059/2020-1-18> (In Russ.)
- Ding, X., Chai, Q., & Chen, C. (2020). China-Africa Economic and Trade Cooperation from the Perspective of the Community with Shared Benefits: Achievements, Challenges, and Prospects. *World Review of Political Economy*, 11(2), 208–231. <http://doi.org/10.13169/worldrevipoliecon.11.2.0208>
- Dynkin, A.A. (2024). World order transformation: economy, ideology, technology. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, (5), 8–23. <http://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02> (In Russ.)
- Eppinger, P., Felbermayr, G. J., Krebs, O., & Kukharskyy, B. (2021). *Decoupling Global Value Chains*. CESifo Working Paper (9079). Munich: Munich Society for the Promotion of Economic Research — CESifo, 42.
- García-Herrero, A., Kwok, K. C., Xiangdong, L., Summers, T., & Yansheng, Zh. (2017). *EU–China Economic Relations to 2025. Building a Common Future*. A Joint Report by Bruegel, Chatham House, China Center for International Economic Exchanges and The Chinese University of Hong Kong. The Royal Institute of International Affairs, 67.
- Goff, P. (2021). Inclusive Trade: Justice, Innovation, or More of the Same? *Ethics & International Affairs*, 35(2), 273–301. <http://doi.org/10.1017/S0892679421000253>
- Grinin, L., & Korotayev, A. (2023). Africa: The Continent of the Future. Challenges and Opportunities. In Sadovnichy, V., Akaev, A., Ilyin, I., Malkov, S., Grinin, L., & Korotayev, A. (Eds.) *Reconsidering the Limits to Growth: A Report to the Russian Association of the Club of Rome*, (pp. 225–238). Springer. http://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_13
- He, M. (2024). Conceptual foundations of international trade research in the 21st century: key characteristics and risks. *Rossiia i Aziya [Russia and Asia]*, (4(30)), 81–95. (In Russ.)
- Herman, P.R., & Oliver, S. (2023). Trade, policy, and economic development in the digital economy. *Journal of Development Economics*, 164, 103135. <http://doi.org/10.1016/j.jdevco.2023.103135>
- Kotov, A.V. (2024). Foreign Economic Policy of Germany: African Vector. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 68(12), 72–79. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-72-79> (In Russ.)
- Lavrikova, Yu. G., Andreeva, E. L., & Ratner, A. V. (2018). Science and technology development in Russia and China: comparative analysis and the prospects of cooperation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 11(4), 48–62. <http://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.3> (In Russ.)
- Lewis, L. T., Monarch, R., Sposi, M., & Zhang, J. (2022). Structural Change and Global Trade. *Journal of the European Economic Association*, 20(1), 476–512. <http://doi.org/10.1093/jeea/jvab024>
- Maltsev, A.A., & Chichilimov, S.V. (2023). Features of the formation of the system of neo-protectionism in the conditions of the sixth innovation wave. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika [International Trade and Trade Policy]*, 9(3), 19–35. <http://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-3-19-35> (In Russ.)
- Métivier, J., Bacchetta, M., Bekkers, E., & Koopman, R. (2023). International trade cooperation's impact on the world economy. *Journal of Policy Modeling*, 45(4), 713–744. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2023.06.007>
- Mrdaković, S., & Todorović, M. (2023). China — Africa Trade and Investment Relations Under the Belt and Road Initiative. *Economic Themes*, 61(2), 171–196. <http://doi.org/10.2478/ethemes-2023-0009>
- Poplavsky, S.P. (2024). Global instability of the world economy: essence, causes, factors, components, prospects. *Rossiia i Aziya [Russia and Asia]*, (1(27)), 81–92. (In Russ.)
- Rahmonov, J. (2023). Digitalization in Global Trade: Opportunities and Challenges for Investment. *Global Trade and Customs Journal*, 18(10), 391–395. <http://doi.org/10.54648/GTCJ2023043>
- Regissahui, M. H. J. (2019). Overview on the China-Africa Trade. *Open Journal of Social Sciences*, 7, 381–403. <http://doi.org/10.4236/jss.2019.77032>
- Rodionova, I.A., & hkvarya, L. V. (2012). On the Threshold of the “Asian Industrial Age”. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*, (12), 2–5. (In Russ.)
- Saka, K.O., & Alabi, M.K. (2024). Trade-off between economic growth and environmental sustainability in Africa. *ADSU International Journal of Applied Economics, Finance & Management*, 9(2), 251–267.
- Savinov, Yu.A. & Taranovskaja, E.V. (2020). Artificial Intelligence in international trade. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, (4), 58–71. (In Russ.)
- Savinsky, A.V. (2024). The role of cultural aspects in chinese-african economic cooperation. *Rossiia i Aziya [Russia and Asia]*, (3(29)), 19–27. (In Russ.)
- Shkvarya, L.V., & Frolova, E.D. (2022). Comparative Analysis of Foreign Trade Development in the Digital Segment by World Regions. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 18(2), 479–493. <http://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13> (In Russ.)
- Smirnov, E.N. (2023). Evolution of triggers of fragility of the world economy in a crisis. *Rossiia i Aziya [Russia and Asia]*, (1(23)), 6–18. (In Russ.)
- Tarasov, A.G., & Ishukov, A.A. (2023). Multipolarity as the main characteristic of the post-global world: searching for new model economic outlines. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika [International Trade and Trade Policy]*, 9(1(33)), 74–89. <http://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-1-74-89> (In Russ.)

Varnavskii, V. G. (2020). Global trade: Long-term trends and structural changes. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 68(1), 5–18. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-5-18> (In Russ.)

Информация об авторах

Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; Scopus Author ID: 57190292841; <https://orcid.org/0000-0001-6653-939X> (Российская Федерация, 109992, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36; e-mail: destard@rambler.ru).

Хэ Миндзюнь — кандидат экономических наук, старший преподаватель юридического факультета, Куньминский политехнический университет; <https://orcid.org/0000-0001-9700-2077> (КНР, г. Куньмин, район Чэндун, ул. Цинмин наньлу, 727; e-mail: sldj2005@163.com).

Красных Сергей Сергеевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 57206903S51; <https://orcid.org/0000-0002-2692-5656> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru).

About the authors

Lyudmila V. Shkvarya — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics; Scopus Author ID: 57190292841; <https://orcid.org/0000-0001-6653-939X> (36, Stremyanny lane, Moscow, 109992, Russian Federation; e-mail: destard@rambler.ru).

Mingjun He — Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the Law Faculty, Kunming Polytechnic University; <https://orcid.org/0000-0001-9700-2077> (727, Qingming nanlu St., Chengdu District, Kunming City, People's Republic of China; e-mail: sldj2005@163.com).

Sergey S. Krasnykh — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Centre for Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57206903S51; <https://orcid.org/0000-0002-2692-5656> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 30.01.2025.

Прошла рецензирование: 19.03.2025.

Принято решение о публикации: 27.06.2025.

Received: 30 Jan 2025.

Reviewed: 19 Mar 2025.

Accepted: 27 Jun 2025.